

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 121

30 мая 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. (доверенность от 26 декабря 2022 года № ...), адвоката Н. в закрытом заседании посредством видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 21 марта 2023 года № ... (вх. № ... от 23.03.2023) в отношении адвоката Н. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 19 апреля 2023 года вынесла Заключение о нарушении адвокатом Н. взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции), п. 1 ст. 4 (Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии) и п. 2 ст. 5 (Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре) Кодекса профессиональной этики адвоката, п. 1.3 (Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения) и подп. 2.3.1 (Высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости) Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года, протокол № 7), выразившемся в произнесении им в

видео-интервью 02 мая 2022 года на канале «П.» в передаче «Ч.» следующих высказываний: «Единственный язык, на котором можно говорить с П., это взрывы там на всяких складах российских под Белгородом, под Пермью. Всякие мосты, которые обрушились внезапно, всякие корабли, которые потонули», «даже неважно, понимает он его или нет. Этот язык в любом случае доходит».

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии полностью согласилась. Полагала необходимым применить к адвокату Н. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, обосновав эту позицию тем, что совершенное адвокатом Н. нарушение носит умышленный, грубый характер, свидетельствует о его недопустимом поведении, недостойном для представителя адвокатской профессии, подрывающем доверие к адвокату и адвокатуре, несовместимом со статусом адвоката. Отметила, что высказывания адвоката Н. являются грубым нарушением законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а в соответствии с Разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 15 мая 2018 года по вопросу применения мер дисциплинарной ответственности, в случае грубого или неоднократного нарушения адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре к адвокату применяется мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Отвечая на вопросы членов Совета, дополнительно пояснила, что все мотивы и основания обращения Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в Адвокатскую палату города Москвы с представлением о прекращении статуса адвоката Н. изложены в тексте представления – это совершенные им конкретные грубые нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики. Ссылки адвоката Н. на наличие каких-либо иных мотивов инициирования дисциплинарного разбирательства в отношении него не основаны на нормах закона и фактических обстоятельствах дисциплинарного производства.

Адвокат Н., ранее не принимавший участие в дисциплинарном разбирательстве, о котором извещался надлежащим образом, и не представлявший каких-либо объяснений или возражений, в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился, заявив о негативном отношении к ним. Обосновывая свою позицию, обратил внимание Совета на следующие обстоятельства.

Высказал мнение о том, что претензии органа юстиции к нему в действительности связаны не с высказываниями в анализируемом интервью, а с его публичной позицией по отношению к вооруженному конфликту в

целом. В подтверждение этого довода сослался, в частности, на то, что предметом настоящего дисциплинарного производства является видеозапись, опубликованная в мае 2022 года, а материалы о ней, приложенные к представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, датированы мартом 2023 года.

В этой связи полагал важным обратить внимание Совета на общий контекст событий, в котором настоящее дисциплинарное производство будет разрешено Советом.

Сообщил, что «в гораздо меньшей степени, чем обычный московский адвокат», зависит от наличия у него статуса российского адвоката, пояснив: «Я украинский адвокат, я живу в Киеве с 2019 года, два года назад я сдал экзамен. Моя практика адвокатская, ... она украинская, она совершенно не зависит от российской. ... моя практика в России прекратилась 24 февраля [имеется в виду 24 февраля 2022 года – примечание Совета]. ... 24 февраля ... на всех делах был поставлен жирный крест. Я не появлюсь в России ни в каком обозримом будущем. Я не только не буду практиковать, но я и, разумеется, не приеду в Россию, поскольку я иностранный агент, на меня ... возбуждено уголовное дело, я нахожусь в федеральном розыске по статье 207-прим-три за распространение ложной информации о Российской армии. ... Поэтому с точки зрения содержательной, с точки зрения того, чего там я лишюсь, или чего лишается московская адвокатура в моем лице, – так вопрос не стоит. Работать мне в любом случае не придется, доверителей в России у меня не осталось».

Высказал мнение о том, что «адвокатская этика как отдельный предмет не существует. ... есть общечеловеческая этика, которую по-разному люди, наверное, ее понимают. В моем понимании первой и главной заповедью этики является не быть на стороне зла. Не соучаствовать в нем. Там, где можешь, – ему противостоять». На основании этого своего понимания заявил: «...то, что я делаю, и то, что я говорю, я делаю, понимая, что меня знают как адвоката, в том числе российского и московского адвоката, и мои слова, конечно же, как я полагаю... Вы, естественно, можете смотреть на это иначе, но мои слова не направлены на подрыв этой репутации [адвокатуры – примечание Совета], а, скорее, на ее укрепление. Когда слишком многие при молчании также слишком многих говорят: “Убий, убий”, важно чтобы кто-то говорил: “Не убий”».

Не отрицая того факта, что им в рассматриваемом интервью действительно были сделаны высказывания: «Единственный язык, на котором можно говорить с П., это взрывы там на всяких складах российских под Белгородом, под Пермью. Всякие мосты, которые обрушились внезапно, всякие корабли, которые потонули», «даже неважно, понимает он его или нет. Этот язык в любом случае доходит», – заявил, что его «коробит» вывод Квалификационной комиссии о явном несоответствии этих высказываний обязательным требованиям профессиональной этики адвоката, поскольку они означают поддержку адвокатом разрешения конфликтных ситуаций

насильственными и при этом общепасными способами. Полагает, что этот вывод Комиссии является некорректным в связи с тем, что сделан без учета контекста событий, влияющего на оценку рассматриваемого высказывания, а именно – российско-украинского вооруженного конфликта. При этом, поскольку «коллеги допускают высказывания, не просто одобряющие насильственное и общепасное разрешение вооруженных конфликтов, а прямо призывающие к усилению, интенсификации этой войны, к ведению ее до победного конца, который предполагает разрушение городов, убийство сотен тысяч людей...», ставить на вид адвокату то, что он говорил подобные вещи, которые говорил я, выглядит несколько... беспомощно». Кроме того, высказал мнение о том, что никто «не может себе позволить публично высказаться с осуждением насильственных способов разрешения конфликтов в данной ситуации, потому что такого рода высказывания, даже сводящиеся к лозунгу ... «Миру – мир», «Нет войне», сейчас в России криминализованы».

Ссылаясь на пункт 52 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), полагает, что «взрывы складов и мостов – это вещь, которая допустима, по крайней мере, чтобы о ней говорить, но и, видимо, в каких-то обстоятельствах, чтобы ее совершать», поскольку этот пункт «устанавливает критерии ... того, что именно относится к допустимым объектам нападения в условиях вооруженного конфликта»: *«Нападения должны строго ограничиваться военными объектами. Что касается объектов, то военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество»*. Указывает, что «...речь [в рассматриваемом интервью – примечание Совета] шла именно о складах боеприпасов. Я, естественно, не помнил, ... что именно я имел в виду тогда ... в начале мая 2022 года. ... Но речь шла применительно к Перми о взрыве на складе ракет... В Белгороде то же самое – оружейный склад и мост в Белгороде, это тоже мост, который непосредственно находится в зоне обеспечения войны ... И эти слова о том, что это язык, на котором возможно говорить с П., были сказаны человеком, чья жизнь напрямую зависит от того, насколько военные усилия России могут быть эффективно ослаблены. ... Я полагаю, что в этом смысле, если вы уже дадите себе труд оценить мои слова в контексте, в котором они были сказаны, эти слова не несут в себе того содержания, которое наносило бы ущерб авторитету российской адвокатуры». Дополнительно пояснил, что название «корабль» в соответствующем профессиональном лексиконе применяется по отношению к военным кораблям.

Помимо этого, высказал сомнения в том, что интервью, данное «медиа, работающему в сервисе YouTube, подпадает под формальное положение Правил поведения адвоката в сети Интернет. ...Насколько я могу судить, они ориентированы в основном и в первую очередь на ситуацию, когда у адвоката есть собственный, им самим администрируемый интернет-ресурс. И большинство тезисов этих правил относится к тому, что может и не может адвокат делать на своем собственном ресурсе. ...То есть, должен ли адвокат, общаясь с медиа, а не что-то самостоятельно вещая в своем блоге или в соцсетях, должен ли он, и в какой мере должен ориентироваться на эти самые Правила?»; а также в том, «в какой мере тезис о том, что адвокат должен сохранять достоинство в любых обстоятельствах, – слово «любые» действительно имеет значение «любых» ... в понимании правил адвокатской этики и правил ... поведения адвоката в сети Интернет».

Наконец, обратил внимание на то, что содержание его интервью, рассматриваемого в настоящем дисциплинарном производстве, может стать предметом уголовно-правовой оценки, которая может не совпасть с оценкой его высказываний Советом при рассмотрении дисциплинарного производства.

Завершая свои пояснения, подчеркнул, что ничто в них не является оправданиями, и повторил: «...я понимаю, что я не могу потерять того, что обычно теряет адвокат, которому Департамент юстиции хочет прекратить статус. ... я хочу еще раз подчеркнуть, что моя работа в качестве российского адвоката в любом случае окончена. Если не сегодня вашим решением, то в ближайшие месяцы приговором суда по делу по статье 207-прим-три, я, так или иначе, буду осужден, и в этом случае адвокатский статус также прекратится».

Совет, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, соглашается с выводами Комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Адвокатура действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов (п. 1 и 2 ст. 3

Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Таким образом, в институте адвокатуры реализуется гарантированное Конституцией РФ право каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

Адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Н. зарегистрирован в реестре адвокатов города Москвы под номером Статус адвоката, присвоенный ему ... года, не приостанавливался и не прекращался, является действующим.

На момент рассмотрения настоящего дисциплинарного производства в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по ссылке <<https://www.youtube.com/...>>, на которую указывает заявитель в своем Представлении, содержится в свободном доступе видео-интервью адвоката Н. под названием «Ч. с Н. | ...», приобщенное заявителем к Представлению.

Видео-интервью адвоката Н., доступное по указанной ссылке, по своему содержанию соответствует видеофайлу «Ч. С Н. ...mp4», содержащемуся на DVD-RW диске, приложенном к Представлению.

Адвокат Н. не оспаривает как сам факт дачи им указанного видео-интервью, так и его аутентичность. Каких-либо оснований для сомнений в том, что интервьюируемым лицом в указанном выше интервью является именно адвокат Н., а также в том, что им в этом интервью произнесены высказывания, являющиеся предметом оценки в настоящем дисциплинарном производстве, Совет, как и Квалификационная комиссия, не находит. В связи с этим Совет признает установленными факты дачи адвокатом Н. вышеназванного видео-интервью и произнесения им в этом интервью высказываний (фраз), являющихся предметом оценки в настоящем дисциплинарном производстве.

Данное видео-интервью в прямом эфире состоялось 02 мая 2022 года, о чем указано в анонсе под видеозаписью. Адвокат Н., по его словам, находящийся в момент интервью в городе Киеве, отвечает на вопросы ведущего М. на канале «П.» в передаче «Ч.».

В ходе интервью, отвечая на вопросы ведущего, адвокат Н. произносит фразы следующего содержания (с 08 минуты 05 секунды): *«Единственный язык, на котором можно говорить с П., это взрывы там на всяких складах российских под Белгородом, под Пермью. Всякие мосты, которые обрушились внезапно, всякие корабли, которые потонули», «даже неважно, понимает он его или нет. Этот язык в любом случае доходит».*

Оценивая данные высказывания адвоката Н. на предмет их соответствия профессионально-этическим требованиям, Квалификационная

комиссия правильно применила нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Так, в соответствии пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии.

Согласно п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Согласно п. 1.3 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее Правила; утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 28 сентября 2016 года, протокол № 7; опубликованы на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, где доступны по ссылке <<https://goo-gl.ink/wkrgC>>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2016. № 4 (55)», стр. 75-76), «Вступая в адвокатское сообщество и принося присягу, адвокат добровольно принимает установленные правила поведения, вытекающие из характера и особенностей избранной им профессии. Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения».

Таким образом, вопреки мнению адвоката Н., указанные Правила устанавливают универсальные требования к поведению адвоката в сети «Интернет» и распространяются на любую публичную активность адвоката на любом Интернет-ресурсе, а не только на личных Интернет-ресурсах самого адвоката.

Адвокат Н. участвовал в рассмотрении ряда резонансных дел в России, на протяжении длительного времени активно присутствует именно в качестве адвоката в публичном пространстве, в том числе в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Данное обстоятельство обуславливает восприятие его публичных высказываний и оценку его публичного поведения со стороны общественности как высказывания и поведение члена адвокатского сообщества. Иными словами, принадлежность адвоката Н. к адвокатскому сообществу является очевидной. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в данном видео-интервью адвокат Н. позиционируется

именно как адвокат, поскольку под указанным видео имеется анонс: «Адвокат Н. сегодня у нас в гостях в эфире программы «Ч.». При этом надпись: «Н. Адвокат» имеется также в окне видео под изображением адвоката Н.

Как следует из пояснений адвоката Н. в заседании Совета, он осознает, что аудитория средств массовой информации и Интернет-ресурсов воспринимает его именно как адвоката.

Согласно п. 2.3.1 Правил, высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости.

Вышеназванное интервью заведомо для адвоката Н. подлежало размещению в целях распространения среди многочисленной аудитории в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где и доступно до настоящего времени.

Следовательно, форма и содержание высказываний адвоката Н. в этом интервью должны были соответствовать требованиям пункта 1.3 и подпункта 2.3.1 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», то есть отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере. В частности, высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости.

Согласно п. 1.4 Правил, они основаны на Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексе профессиональной этики адвоката. Нарушение адвокатами настоящих Правил может расцениваться как нарушение правил адвокатской профессии и норм профессиональной этики адвоката и стать основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности.

Однако высказывания (фразы) адвоката Н.: *«Единственный язык, на котором можно говорить с П., это взрывы там на всяких складах российских под Белгородом, под Пермью. Всякие мосты, которые обрушились внезапно, всякие корабли, которые потонули», «даже неважно, понимает он его или нет. Этот язык в любом случае доходит»,* – указанным обязательным требованиям явно не соответствуют, поскольку означают поддержку адвокатом разрешения конфликтных ситуаций насильственными и при этом общепасными способами (*«...взрывы на всяких складах, ... всякие мосты, которые обрушились внезапно, всякие корабли, которые потонули»*).

Публичное поведение адвоката Н., выразившееся в произнесении приведенных выше высказываний в видео-интервью, подлежавшем размещению и размещенном до настоящего времени в целях распространения среди многочисленной аудитории в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает недопустимым, поскольку оно, вопреки требованиям п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката,

является недостойным для представителя адвокатской профессии, а также свидетельствует о совершении адвокатом Н. действий, направленных к подрыву доверия к нему как независимому профессиональному советнику по правовым вопросам и к адвокатуре как профессиональному сообществу адвокатов, то есть нарушает прямое предписание п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Нарушение адвокатом Н. приведенных требований профессиональной этики, в свою очередь, означает неисполнение им обязанности, предусмотренной пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: «Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции».

Давая оценку изложенной выше защитительной позиции адвоката Н., высказанной им в заседании Совета, Совет отмечает следующее.

Довод адвоката Н. о том, что в анализируемом высказывании он говорил именно и только о военных объектах, нападение на которые является допустимым в условиях вооруженного конфликта, Совет отклоняет как явно не соответствующий действительному содержанию высказываний адвоката Н. В этих его высказываниях не только отсутствует оговорка об их относимости исключительно к военным объектам, но, напротив, все существительные, которыми обозначены цели, подлежащие уничтожению: «склады», «мосты», «корабли», употреблены в сочетании с прилагательным «всякие», выполняющим в предложении функцию определения. Общеупотребительными и общеизвестными синонимами слова «всякий» являются слова-определения «любой», «каждый». Таким образом, из содержания анализируемых высказываний адвоката Н. ясно следует, что он имел в виду не военные объекты, а именно всякие (любые, каждые) склады, мосты и корабли, поддерживая их уничтожение насильственными и общепасными способами. При этом адвокат Н. не мог не осознавать, что на «всяких складах», «всяких мостах» и «всяких кораблях», а также поблизости от них находятся люди, далеко не все из которых являются действующими военнослужащими. Ссылка адвоката Н. на то, что название «корабль» в соответствующем профессиональном лексиконе применяется по отношению к военным кораблям, не меняет этой оценки, поскольку, как указано выше, его интервью было адресовано не профессиональной, а неопределенно широкой аудитории. Эта аудитория использует общеупотребительную лексику, не проводя терминологических различий между словами «корабль» и «судно», а употребляя их как синонимы. Данное обстоятельство не могло не осознаваться адвокатом Н., свободно владеющим русским языком, имеющим обширный словарный запас и большой опыт публичных выступлений.

Кроме того, защитительную версию о том, что в анализируемых высказываниях он имел в виду именно и только военные объекты, адвокат Н. выдвинул лишь в заседании Совета, в то время как в предыдущих публичных комментариях по поводу выдвинутых против него дисциплинарных обвинений он подобных оговорок не делал. Так, в своем публичном комментарии по этому вопросу, опубликованном 19 мая 2023 года интернет-изданием «...» в статье «...» (<https://...>), адвокат Н. заявил следующее: «Конечно же, я поддерживаю разрешение конфликтных ситуаций насильственными и общеопасными способами. И почти все остальные в России поддерживают, и члены комиссии поддерживают это в полном составе. А если нет, то молчат об этом, потому что сказать вслух в России, что ты что-то из этого не поддерживаешь, – значит совершить дискредитацию российской армии. Формулировки “Нет войне” и “Миру мир” давно под запретом. ... И если потом где-то в далекой и пока еще мирной Москве находятся люди, которые говорят тебе, что ты не должен это поддерживать, потому что ты адвокат, ты просто не вступаешь с ними в диалог. Потому что о чем тут говорить».

Довод адвоката Н. о том, что его анализируемые высказывания не нарушают требований профессиональной этики адвоката, в подтверждение которого он противопоставляет свои высказывания антивоенным публичным высказываниям, считая последние опасными в России, Совет рассматривает как признание самим адвокатом Н. того факта, что его высказывания являются противоположными по смыслу и содержанию по отношению к высказываниям антивоенного характера. Совет в этой связи отмечает, что анализируемые высказывания адвоката Н., вопреки его мнению, не могут рассматриваться как содержащие в себе призывы «Не убий», «Нет войне», «Миру-мир». Более того, эти высказывания адвоката Н. по своему смыслу не отличаются от критикуемых им высказываний иных лиц, которые, по его словам, «прямо призывают к усилению, интенсификации этой войны, к введению ее до победного конца». Именно по этой причине анализируемые высказывания адвоката Н. не соответствуют требованиям п. 2.3.1 Правил, поскольку содержат элементы правового нигилизма, агрессии, розни и нетерпимости. Кроме того, ни данный довод адвоката Н., ни его обоснование никак не свидетельствуют о вынужденности или необходимости его собственных высказываний, не содержащих антивоенных призывов и противоречащих требованиям профессиональной этики адвоката.

Ссылка адвоката Н. на его нахождение в городе Киеве, который подвергается обстрелам, не влияет на оценку его публичного поведения, поскольку избранное адвокатом местонахождение не освобождает его от соблюдения обязательных профессионально-этических требований.

Совет подчеркивает, что предусмотренные п. 1 ст. 4 и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката требования к адвокату при всех обстоятельствах сохранять честь и достоинство, присущие его профессии, и не совершать действий, направленных к подрыву доверия, являются

универсальными и не подлежат какому-либо ограничительному толкованию. В частности, если адвокат в силу каких бы то ни было причин не в состоянии публично высказаться, не нарушая этих требований, ему следует воздержаться от высказывания либо сложить с себя статус адвоката и таким образом освободиться от добровольно принятых на себя профессионально-этических ограничений. В этой связи Совет обращает внимание на пояснения адвоката Н. о том, что он уже более года не осуществляет и не намеревается в дальнейшем осуществлять профессиональную деятельность в качестве российского адвоката. Это обстоятельство свидетельствует о наличии у него возможности и об отсутствии каких-либо препятствий для добровольного прекращения статуса адвоката по личному заявлению, однако он этого не сделал.

Ссылка адвоката Н. на иных лиц, допускающих высказывания, «прямо призывающие к усилению, интенсификации этой войны, к ведению ее до победного конца», и дающих самостоятельную оценку действиям адвоката Н., также не влияет на профессионально-этическую оценку его собственного публичного поведения. При этом разбирательство в квалификационной комиссии и в Совете осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается (п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката). В настоящем дисциплинарном производстве вышеуказанные требования Кодекса профессиональной этики адвоката полностью соблюдены.

Таким образом, защитительные доводы адвоката Н. не ставят под сомнение обоснованный вывод Квалификационной комиссии о том, что произнесение им в видео-интервью, размещенном в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной среде «Интернет», высказываний (фраз): *«Единственный язык, на котором можно говорить с П., это взрывы там на всяких складах российских под Белгородом, под Пермью. Всякие мосты, которые обрушились внезапно, всякие корабли, которые потонули», «даже неважно, понимает он его или нет. Этот язык в любом случае доходит»,* образует нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции), п. 1 ст. 4 (Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии) и п. 2 ст. 5 (Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре) Кодекса профессиональной этики адвоката, п. 1.3 (Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при

условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения) и пп. 2.3.1 (Высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости) Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года, протокол № 7).

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Н. опровергнутой, а его умышленную вину в совершении указанного выше дисциплинарного нарушения – установленной.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии оснований для иной квалификации приведенных выше публичных высказываний адвоката Н. и для профессионально-этической оценки иных его высказываний, содержащихся в вышеназванном интервью.

Одновременно Совет подчеркивает, что в настоящем дисциплинарном производстве оценка высказываний адвоката Н. дается исключительно в пределах компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления – на предмет их соответствия требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и профессиональной этики адвоката. Эта оценка не предопределяет возможную уголовно-правовую или иную оценку действий адвоката Н. со стороны уполномоченных государственных органов в установленном законодательством порядке.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Н. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный, грубый и злостный характер, сопряженный с явным игнорированием адвокатом обязательных профессионально-этических правил публичного поведения. Совет расценивает сделанное адвокатом Н. в заседании Совета утверждение о том, что «адвокатская этика как отдельный предмет не существует», как доказательство его принципиального нежелания не только следовать обязательным и добровольно принятым им при принесении присяги адвоката профессионально-этическим требованиям, но даже признать само их существование. Такая позиция адвоката Н. прямо противоречит основополагающим положениям профессиональной этики: «Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры. Принося присягу адвоката, претендент, сдавший квалификационный экзамен, принимает на себя ответственность за выполнение обязанностей адвоката и соблюдение правил поведения, установленных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом» (преамбула и п. 2.1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Совет также принимает во внимание, что адвокат Н. в течение длительного времени не осуществляет профессиональную деятельность в качестве российского адвоката и, согласно его пояснениям, не имеет намерения ее осуществлять в дальнейшем. Он также не участвовал в настоящем дисциплинарном разбирательстве до рассмотрения его Советом, не реагируя на все поступавшие к нему извещения и материалы, и полностью уклонился от участия в предыдущем дисциплинарном разбирательстве в отношении него, тем самым пренебрегая диалогом с профессиональным сообществом, членом которого является. Таким образом, адвокат Н., по существу утративший связь с адвокатским сообществом России (за исключением уплаты обязательных отчислений), использует статус адвоката в личных целях – для привлечения к себе дополнительного внимания общественности, при этом действует вопреки профессионально-этическим требованиям.

Помимо этого, Совет учитывает систематический характер нарушений адвокатом Н. профессионально-этических правил публичного поведения. Так, Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 октября 2022 года № 272 к нему была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в публичном произнесении им в интервью на телеканале «Д.» в феврале-марте 2022 года нецензурного высказывания. Срок действия данной меры дисциплинарной ответственности не истек.

Аналогичные нарушения совершались адвокатом Н. и ранее, в связи с чем к нему применялись меры дисциплинарной ответственности решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 08 августа 2017 года № 139 и от 20 декабря 2017 года № 214. Однако в силу требований п. 1 ст. 26 Кодекса профессиональной этики адвоката в настоящее время он считается не имеющим этих дисциплинарных взысканий.

При таких обстоятельствах Совет признает публичное поведение адвоката Н. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Н. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что дальнейшее оставление Н. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что систематически совершаемые им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской

Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Н. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности Н., считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31, пп. 2 и 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Н. (регистрационный № ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции), п. 1 ст. 4 (Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии) и п. 2 ст. 5 (Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре) Кодекса профессиональной этики адвоката, п. 1.3 (Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения) и подп. 2.3.1 (Высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости) Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утверждены Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года, протокол № 7), выразившееся в произнесении им в видео-интервью 02 мая 2022 года на канале «П.» в передаче «Ч.» следующих высказываний: «Единственный язык, на котором можно говорить с П., это взрывы там на всяких складах российских под Белгородом, под Пермью. Всякие мосты, которые обрушились внезапно,

всякие корабли, которые потонули», «даже неважно, понимает он его или нет. Этот язык в любом случае доходит».

Установить срок, по истечении которого Н. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков